наричить и царствова египтяном сын его — Солнце именем его же наричють Дажьбог» (II, 465). В греческом: «После смерти Гефеста египтянами правил сын его Гелиос» (Б, 23).

Имя Гефеста сохраняется с метатезой и поясняется глоссой: «Его же и Сварога наричить». Имя Гелиоса заменяется славянским именем «Солнце» и тоже поясняется. Таким образом, в действие вводятся славянские языческие боги, которые оказываются одновременно и языческими богами египтян.

Ниже переводчик (или переписчик) усиливает эту аналогию, а затем уже прямо заменяет имена Гефеста и Гелиоса славянскими языческими эквивалентами. В славянском: «Солнце же царь, сын Сварогов еже есть Даждьбог бе моуж силен» (II, 465). В греческом: «Гелиос, сын Гефеста, был могущественным» (Б, 24). В славянском: «По умертвии ж Дажбожи сына Сварогова ... царствова Сир» (Осирис) (II, 466). В греческом: «После смерти царя Гелиоса, сына Гефеста» (Б, 24).

Итак, в тексте славянского перевода Хроники мы имеем полное слияние образов греческих и славянских языческих богов.

Такие параллели и отождествления не только помогали древнерусскому читателю в освоении элементов античной культуры, но в первые века христианизации Руси выполняли определенные антиязыческие функции. Зачисление многих мифологических персонажей (Крон, Зевс, Зароастр) в разряд волхвов, отрицательные характеристики (Крон «бе ... таибьник и магь», Зевс-Дый обманывал женщин, «волшбы некые творя», и т. д. и т. п.), самое низведение их из мира богов в мир людей, — все это в связи со славянскими параллелями разрушало языческие верования древнерусского человека. Этой же цели служили рационалистические толкования имен персонажей античного пантеона и объяснения политеизма древних, особенно пространные в Хронике Георгия Амартола. Так, Малала отмечает, что Крон, Зевс, Гермес, Арес были смертными людьми и получили свои имена от «переходных звезд», Инах называет дочь по имени луны («имя сътвори и во имя лунное» — II, 5) и т. п. Амартол же прямо пишет о том, что древние поклонялись тем или иным людям, которых почитали богами: «Пакы же от творца их глаголемыя богы Дию и Крона, Апполона и прочим мняще человецы, бозы суть, блазняхуся, чтуще их».[6] Он же объясняет языческие верования эллинов обожествлением сил природы, перекидывая тем самым мостик к метафорическим отождествлениям, самый принцип которых был присущ русскому фольклору и славянской языческой мифологии («Еще же и естьствословумое етери мнимающе кланяхуся, глаголюще: Посидон есть вода, а Ифест огнь, Иру же аеру, сущу, Дмитру же земля и плоды, Дия же дождь»).[7]

По сравнению с Малалой у Амартола значительно усилены антиязыческие обличительные моменты. Если для Малалы отрицательные характеристики мифологических персонажей редки и не выполняют прямой обличительной функции, то у Амартола они приобретают почти публицистическое звучание: «Не точию не бога ради исповедають, ни от честныхъ же человекъ от Диоса бо отроковиць тление и прелюбодеяние, от Афродити же любодеяние, от Екмерея блудьство, от Арея же убийство, от Дионуса винопьяньство».[8] Однако отрицательное отношение к языческим божествам на остальных античных героев и тем более на историче-

[6] В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. I. 1920, стр. 68.
[7] Там же, стр. 68.
[8] Там же, стр 62